Какудзо Окакура

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ В ЯПОНИИ

Какудзо Окакура

Чайная церемония в Японии

«Центрполиграф»

Окакура К.

Чайная церемония в Японии / К. Окакура — «Центрполиграф»,

Японский писатель и искусствовед Какудзо Окакура создавал свою, ставшую легендарной книгу для устного чтения в салоне Изабеллы Стюарт Гаднер, основателя частной художественной галереи. Адресованная западной аудитории, она стала классикой для любителей чая во всем мире. Полное глубоких мыслей и не менее глубоких чувств издание посвящено роли чая и созданному вокруг него культу – тиизму – в этике и эстетике Японии. В нем правила создания чайного павильона, тонкости чайной церемонии и способы аранжировки цветов переплетаются с трактовками и постулатами трудов Конфуция, Лао-цзы, Будды, с легендами Китая и Японии, с историями из жизни знаменитых воинов, чайных мастеров и великих правителей Востока. Читая это эссе, можно не только понять основные идеи восточных учений, но и почувствовать восхитительное изящество и удивительную поэтичность восточного восприятия мира.

© Окакура К.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие 6
Чашка напитка рода человеческого 14
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Какудзо Окакура
Чайная церемония в Японии

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие

Во второй половине XIX века, с началом правления императора Мэйдзи, народ Японии вступил на путь великой модернизации хозяйства своей страны. Ее правители прекрасно сознавали, что для выживания народа Японии как нации ему не обойтись без того, чтобы сравняться по силе с «белым бедствием», пришедшим на острова Страны восходящего солнца с коммодором Мэтью Перри. Правительство Мэйдзи пригласило ученых самых разных специальностей, в том числе военных специалистов, из ведущих стран Запада и основало новые учебные заведения, в которых намечалось готовить молодое поколение японцев к новой жизни. Наиболее перспективных выпускников этих японских учебных заведений потом посылали в Европу и Америку перенимать новые науки, что называется, из первых рук. Составленные программы первоначально казались простыми, так как обучение молодых людей продвигалось вполне успешно. Только вот в скором времени возникли большие затруднения. Модернизация, как стало совершенно очевидно, требовала гораздо большего, чем просто отказ от загадочных старых китайских физических основ жизни и усвоение открытий барона Гельмгольца или лорда Кельвина, а также получение санкции на открытие в Токио иностранных посольств или устройство железнодорожных насыпей для путей сквозь светлые древние леса из туи. Постепенно открывалась истина, состоявшая в том, что модернизация требует кардинальной перемены всего жизненного уклада японского народа.

Подавляющее большинство японцев приняло новые идеи с присущим им смирением. Члены древних феодальных семей натянули брюки, научились сидеть на стульях и занялись коммерческой деятельностью, которая прежде считалась делом унизительным. Они пытались думать в манере европейцев и даже пробовали употреблять в пищу говядину (запрещенную для буддистов), хотя во время еды их часто тошнило.

Не все японцы, однако, были готовы мириться с программой своего правительства. Многие считали, что от них требуют слишком большие жертвы и слишком большие ценности хотят отнять. Другие сопротивлялись переменам из корыстных побуждений. Первое сопротивление в 1860-х годах отличалось прямотой и ожесточением, когда сегуны подобно рыцарям Фруассара подняли мятеж, но потерпели поражение, когда в дело ввели регулярную армию. Представители следующего поколения тем не менее в ту же самую эпоху, когда в Индии появились мыслитель-гуманист Вивекананда Свами, а также писатель и общественный деятель Рабиндранат Тагор, подняли новый, более решительный мятеж против насаждения западной культуры. Стоит отметить, что в Индии реакция на вестернизацию носила религиозную и политическую окраску, а в Японии – нравственную и эстетическую.

Среди самых заметных японских эстетов конца XIX века, которые попытались сохранить ипомею (цветок утреннего сияния) в ходе пересадки этого растения с помощью добавления древней почвы на его корни, числится Какудзо Окакура, написавший на английском языке классическое эссе «Чайная церемония в Японии».

До середины XIX века родственники Окакуры числились самураями в префектуре Фукуи, но потом отец Какудзо Окакуры занялся торговлей шелком и переехал в Йокогаму, где в 1862 году родился Какудзо. Его семья жила в достатке, и Окакуру отправили учиться в Токийский императорский университет, а потом институт английского языка, где ему в 1880 году присвоили степень магистра гуманитарных наук с похвальными грамотами по философии и английской литературе. К тому времени он уже неплохо владел китайским языком.

Одно из основополагающих тезисов восточной философии, существовавших еще до Конфуция, состояло в предположении о том, что вселенной управляют сменяющие друг друга диаметрально противоположные силы, такие как день и ночь. По-китайски они называются «ян» и «инь». Одно понятие связывается с темнотой и женским началом, второе – со светом и мужским началом. Инь и ян торжествуют свой срок, но внутри каждого из них, наподобие корней или драгоценных камней, вызревает противоположная сила, в установленное время выходящая на поверхность во всей красе. То же самое происходило с юным Окакурой, ведь в самый

разгар вестернизации он обучался в Токийском императорском университете и узнавал ценность культуры своего собственного народа на курсе знаменитого американского философа, этнографа и педагога Эрнеста Франциска Феноллозы. Познавший науки в Гарварде выходец из Новой Англии, Феноллоза приплыл в Токио преподавать философию и политологию, однако ему не удалось устоять перед очарованием традиционных видов искусства и культурой Японии. Как никто другой, Феноллоза способствовал приостановке вестернизации в японском искусстве и пробудил новый интерес к национальному наследию Японии.

Нынешнему европейцу трудно себе представить, сколь много из старой Японии было выброшено на свалку истории ради безоговорочного подражания Западу. Учителя государственных школ помешались на внедрении европейских воззрений в качестве истины в последней инстанции, а традиционные японские предметы либо высмеивались, либо замалчивались. Дошло до того, что даже традиционную чернильную кисточку, совершенствовавшуюся на протяжении столетий для рисования и письма, в школе запретили, а ее место заняла неуклюжая западная кисть для масляных красок. А сокровища древнего японского искусства теперь не только не понимали, но подчас даже воспринимали с некоторым замешательством. В старых семьях, нуждавшихся в деньгах для нового денежного хозяйства, за бесценок продавали фамильные ценности. И даже можно вспомнить случаи, когда настоятели монастырей и храмов продавали на дрова вышедшие из моды деревянные изваяния Будды. Все наиболее достойные предметы японского искусства скупали по сказочно низкой цене знающие в этом толк американцы типа Феноллозы, Эдуарда Морзе и Вильяма Бигелоу. И теперь японцам, чтобы посмотреть на свое национальное наследие, приходится отправляться в Америку.

Феноллоза, с его энергией и мобильностью, служил достойным примером для Окакуры и всех остальных японцев, и эти два человека работали в тесной связке, причем Окакура служил Феноллозе переводчиком во время занятий и путешествий по стране. Они начали получать поддержку властей и с директивой правительства на руках провести инвентаризацию религиозных предметов искусства занялись исследованием хранилищ древних реликвий, сбором и сбережением сохранившихся на тот момент сокровищ. Ван Вик Брукс в своей книге «Феноллоза и его круг» *(Fenollosa and His Circle)* прекрасно передает восторг, с которым Окакура и Феноллоза извлекали шедевр за шедевром из чуланов, камер хранения и заброшенных помещений храмов. Их труд был достойно оценен, и, когда власти Японии неожиданно отвернулись от Запада, Феноллоза наряду с многочисленными наградами в 1886 году удостоился поручения императора на изучение истории искусства и музейных технологий в Европе. С ним в Европу отправились Окакура и еще один японец.

После возвращения в Японию, однако, пути Окакуры и Феноллозы разошлись, так как при всем взаимном уважении и общности интересов они сочли невозможным продолжать совместную работу. Причины разрыва заключались в характерах этих двух людей, отличавшихся редкой целеустремленностью, большим самомнением и повышенной эмоциональностью, когда речь заходила об искусстве. К тому же Окакура заметно обошел в их деле Феноллозу, который так и не овладел в необходимой степени восточными языками. В 1890 году энергичный Феноллоза покинул Японию и устроился куратором экспозиции предметов восточного ремесла в Бостонском музее изобразительного искусства. А Окакура, фактически возглавивший движение по сохранению исторического наследия своей страны и Токийскую школу искусств, начал самостоятельную карьеру.

Несговорчивый, пребывающий в состоянии постоянных личных раздоров и участник всех дворцовых интриг, Окакура в 1898 году попал в жесткую опалу своего правительства. Его вынудили подать в отставку с официального поста. Что он и сделал, а потом основал новую школу под названием Учреждение японского искусства, где преподавались различные виды искусства и их философское положение в пределах Великой традиции. Он открыл восточную школу самого крайнего толка: ни у кого не возникало иллюзий по поводу того, кто там служил

главным и чье мнение виделось всем предельно ясным. Школа была чисто азиатской, так как на протяжении своего становления как личности Окакура пришел к признанию того факта, что массовая замена традиционных культурных устоев на заимствованные из других культур, другого общества касается не только японцев, но и остальных азиатских народов. Он пришел к выводу о том, что культура Индии и Китая (основных источников азиатской цивилизации) вместе с культурой Японии выступают составными частями большой традиционной культуры, диаметрально противоположной концепциям западников, помешанных на эволюции. Постепенно им овладевало убеждение в том, что его миссия на земле состоит в «предохранении и восстановлении азиатских принципов мышления и жизни». В 1902 году он съездил в Бенгалию к Рабиндранату Тагору, где удостоился пышного приема, ведь он уже считался фигурой азиатского масштаба. Индийцы с большим энтузиазмом восприняли его основополагающее воззрение: «Старинное искусство Азии представляет большую ценность, чем искусство любых современных школ. Точно так же, как процесс идеализации, а не подражания представляет собой суть порыва в искусстве».

При всем этом не обошлось без сложностей: власти отказали в финансировании школы Окакуры, а потребность в фондах для школы ощущалась очень остро. В сложившейся ситуации Окакура собрал несколько предметов искусства и отправился в Америку, где соответствующий рынок находился в очень оживленном состоянии, чтобы их продать. Наступил решающий момент в его жизни, напоминавший тот, когда он познакомился с Феноллозой, так как Окакура остался в Америке, найдя для себя в Бостоне тихую гавань, которую ему не удалось отыскать в Японии.

В Америке Окакура восстановил дружбу с художником Джоном Лафаргом, с которым он познакомился за несколько лет до этого, когда тот с Генри Адамсом приезжал в Японию. В Бостоне Лафарг представил его Изабелле Стюарт Гарднер, чей потрясающий дворец в стиле итальянского ренессанса превращался в центр движения эклектики в искусстве.

«Его можно назвать самым грамотным ценителем искусства, – писал Лафарг миссис Гарднер, – я бы даже сказал, что всего, с чем я познакомился в этой жизни. Его богатейшие знания в определенной мере уравновешиваются его пониманием бесполезности многого из того, в чем он разбирается». Такая реляция выглядит весьма уместной, так как Окакура считался весьма эрудированным человеком и по западным, и по восточным меркам, к тому же его отличало убеждение в том, что знания должны приносить пользу.

Окакура порадовал миссис Гарднер и ее окружение своим умением передать очарование Востока вместе с весьма солидным объемом знаний. Он продал привезенные с собой художественные произведения институту, отправил своих спутников назад в Японию с вырученными деньгами и решил остаться в Америке. Он читал лекции по искусству Востока и через связи миссис Гарднер получил право обратиться к участникам Международной конференции по культуре и литературе, прибывшим на Международную выставку, состоявшуюся в Сент-Луисе в 1904 году. Его речь выслушали с большим вниманием, как и Свами Вивекананда в Чикаго за несколько лет до этого, ведь американцы проявляли живой интерес к грамотным гостям из Азии.

Внешне параллельные пути Окакуры и Феноллозы продолжали пересекаться и тяготеть друг к другу. Феноллоза по неясной до сих пор причине оставил Бостонский музей изобразительного искусства. В 1906 году Окакура устроился советником, а с 1911 года служил куратором китайского и японского искусства.

С его выбором очень повезло, так как его заботами коллекцию удалось довести до невиданного за все время совершенства. Причем для ремонта и восстановления поврежденных шедевров в Бостоне образовалась целая колония японских реставраторов. Восточная коллекция Бостонского музея получила мировое признание, и говорили, что благодаря Окакуре изучение восточного искусства на Западе достигло своей первой зрелости. Он делал акцент на

системном занятии целыми разделами искусства (а не отдельными шедеврами) и каждый сезон отправлялся на Восток для сбора новых художественных работ.

Если хотя бы половина легенд о его поездках в Китай представляет собой правду, они могли послужить сюжетом для прекрасных повестей. В своих поездках он менял внешность, цеплял на голову накладную косичку ханьца (свиной хвостик натурального китайца) и полагался на свои знания китайского языка, который, как говорится, должен был довести его до самых отдаленных уголков беспокойной империи. У него получилось добыть сказочные художественные ценности во времена, когда китайские коллекционеры в панике прятали свои сокровища, чтобы их не конфисковали маньчжурские власти. С полной уверенностью можно утверждать, что без таких поездок американские коллекции китайских произведений искусства были бы значительно беднее.

На протяжении данного периода, когда он исступленно занимался образованием, коллекционированием, классификацией произведений искусства, чтением лекций и путешествиями, Окакура к тому же умудрялся писать многочисленные статьи для американских и азиатских журналов. Еще при жизни он увидел выход в свет трех своих книг: «Идеалы Востока» (The *Ideals of the East,* 1903), «Пробуждение Японии» *(The Awakening of Japan,* 1904) и «Чайная церемония в Японии» *(The Book of Tea,* 1906). Четвертая книга – «Сердце небес» *(The Heart of Heaven)* вышла в 1922 году, через девять лет после смерти автора.

В 1913 году он вернулся в Японию к жене и детям, которых до этого посещал раз в год, а в сентябре до Бостона дошла весть о его смерти от гриппа. Американцы скорбели о его уходе, но Окакуру до сих пор помнят в США как автора «Чайной церемонии в Японии».

До сих пор я писал об Окакуре как об источнике энергии, который в этой жизни кое-что сделал, как о непоседе, внесшем громадный вклад в изменение хода истории. Что же он был за человек?

На такой вопрос сразу не ответишь, ведь в его личности странным образом перемешались гениальность и инфантилизм, способность к всепроникающему предвидению и реакция страуса, прячущего от страха голову в песок. В этой жизни ему была предназначена великая миссия, а он не мог избавиться от противоречий, которые часто движут миссионерами. С друзьями он был обходительным и очаровательным человеком, но с теми, кто его раздражал (а таких хватало, так как Окакура не терпел возражений), это был человек высокомерный, раздражительный и острый на язык. Он имел ясное представление об опасностях, грозящих японской культуре во время, когда «прогресс» толковался наивными людьми в Западном и Восточном полушарии. При этом большие страдания ему доставляла культурная ограниченность. Стоит вспомнить о его сентиментальной преданности наиболее нелепым мелочам японской истории, и часто он не мог отличить хлам и наносы мертвого прошлого от слабых проявлений живой традиции, заслуживающих самого тщательного ухода. Освальд Сирен очень точно подмечает эту его раздвоенность, когда говорит: «Окакура относится к той редкой категории людей, в ком интуитивное восприятие, быть может несколько неопределенное, всего японского накладывалось на аналитические способности человека Западного полушария».

Возможно, нам удастся понять Окакуру и его «Чайную церемонию в Японии», если обратимся к его личности как многозначному явлению. Во-первых, речь идет об Окакуре-ученом. Безусловно, он относится к людям гениальным, к плеяде великих ученых-историков современного мира. Он знал Восток, как немногие его знали, ведь он овладел острым взглядом Запада и азиатскими знаниями Японии, Кореи, Китая и прочих стран. Для своего времени он обладал несравненными знаниями обо всех областях восточного искусства, а с индийской культурой был знаком не хуже, чем с культурой дальневосточной. К тому же его можно назвать выдающимся лингвистом, доказательством чего служат его книги, написанные на безупречном английском языке.

На второе место поставим Окакуру-мессию. При всем его очаровании и дружелюбии Окакуру следует в целом назвать человеком раздражительным и нетерпимым, большим мастером заводить врагов. На своем жизненном пути он стал участником всевозможных споров. Более того, его отличал выдающийся дар острослова, и он обычно блестяще брал верх в баталиях красноречия, так как мгновенно подбирал нужные аргументы, когда его оппонентам оставалось только жалеть о запоздалых откровениях. К тому же подчас в нем просыпался конъюнктурщик, хотя и совсем не своекорыстный, и совершенно очевидно, что он умудрился одолеть своего бывшего единомышленника Феноллозу. Как учитель он слыл крайним деспотом, требовавшим от своих последователей абсолютного подчинения. Иногда он поступал скорее как настоятель ламаистского храма, чем учитель эстетики. В знак протеста по поводу вестернизации он придумал забавные одежды и прически, которые носил в своей школе на территории Японии. Часто он сам на себя накликал неприятности.

Третья особенность его личности представляется самой странной. Речь тут заходит о выдающемся ученом и религиозно-эстетствующем придире, который к тому же на самом деле служил примером отзывчивости. В письмах миссис Гарднер он мог пуститься в пространные рассуждения по поводу котят. Он мог написать по-английски стихотворение, которое с ходу одобрил бы критик Алджернон Чарльз Суинберн. И он мог составить рассказ о сказочном прошлом Японии, как будто верил во всех героев фольклора в виде призраков, лис в образе женщин и сражающегося самурая. Таким представляется Окакура как сентиментальный человек.

Все эти черты личности проявляются в его трудах. Четвертое место в научных трудах принадлежит великому ученому. Сентиментальному человеку не остается места практически во всех трудах, изданных после смерти в «Сердце небес», некоторые разделы которого можно справедливо назвать ребяческими. Мечтатель и мессия занимают большое место в «Идеалах Востока» и «Пробуждении Японии». Первая из этих двух книг воплощает в себе отчетливое определение эзотерической философии искусства, позже развитое такими деятелями, как метафизик Ананда Кентиш Кумарасвами. Вторая книга может показаться европейскому читателю отталкивающей из-за ее религиозного трепета перед сверхъестественными притязаниями микадо, акцента на чистоте крови и симпатии к неприятным культурным аспектам национализма.

Наиболее удачный синтез многочисленных граней личности Какудзо Окакуры проявился в знаменитой «Чайной церемонии в Японии». В ней возникло замечательное слияние несовместимых элементов: Окакура-ученый раскрыл свои знания; Окакура-мечтатель и мессия указал направления развития своих знаний; Окакура-знаток облек их в очаровательную форму. В результате получился прекрасный томик эссе на английском языке.

«Чайная церемония в Японии» в огромной степени служит объяснением консервативной составляющей Японии. Автор предпринял попытку объяснить западному миру, почему японцы относятся к граням своей культуры именно так, а не иначе. Никакого кроткого романтизма здесь не предусмотрено, точно так же, как в новеллах или эссе Патрика Лафкадио Хирна. Его струящийся английский и аккуратная недоговоренность скрывают стальную прочность мысли, отточенной, как меч древнего самурая.

Окакура хотел объяснить Восток именно по-восточному и в качестве его символа использовал чайную церемонию. На Дальнем Востоке чай приравнивается к западному пониманию соли. Он может означать внутреннюю суть, придающую вкус всему, что иначе воспринималось бы пресным или безвкусным. Окакура вряд ли открыл такой книжный жанр-символ, ведь, как весьма начитанный человек, он должен был познакомиться с параллельными формами литературы. К тому времени уже существовали многочисленные труды авторов Среднего и Ближнего Востока, в которых «жизнь» выражалась через призму драгоценных камней. А когда писал свои творения Окакура, в Европе и Америке выходили книги, в которых сюжет стро-

ился вокруг табака. Можно с большим основанием предположить, что Окакура познакомился с «Книжкой о чае» *(Little Tea Book,* 1903) Артура Грея. В этом издании автор собрал цитаты о чае и связанный с этим напитком материал.

Окакура познакомил своего читателя с неповторимостью чая. Он первым рассказал о его происхождении, древней истории и распространении, а потом обратил внимание на чайную церемонию как на символ Японии. На особую японскую церемонию, которой не встретишь больше нигде на Востоке. Чайной церемонией называется псевдорелигиозный ритуал, выполняемый по правилам, сложившимся сотни лет назад, когда собиралось несколько человек, и они выполняли такие же невероятно строгие обряды, какие прихожанин выполнял перед изображением строгого божества. Время и место определяются правилами; убранство соответствующего помещения, посуда, действия и даже общение протекает в определенном заранее порядке, причем все поступки и слова должны соответствовать конкретным формулам. Хозяин традиционным жестом приглашает к ритуалу, а гость выражает восхищение посудой такими же бессмысленными и архаическими фразами, как и сам процесс наливания чая.

Тем не менее чайную церемонию, по сути дела, религиозным ритуалом назвать нельзя, так как при ее проведении отсутствует вера в некое сверхъестественное начало. Мы имеем дело с общественным священнодействием. Речь идет о мосте в прошлое, связывающем нас с ушедшими в лучший мир предками. Он предусматривает подчинение собственной воли воле отцов. Все это значит, что мы должны поступать в соответствии с древними традициями.

Но если посмотреть с другой точки зрения, получается так, что чайная церемония во многом помогает в освоении заведенного порядка бытия. Она служит одним из очень немногих примеров попытки превращения в ритуал. Тут играет свою роль вера в то, что утверждение унифицированного «действа» должно пробудить эстетические чувства, возникающие во время общения с прекрасным. Люди на Западе практически единодушно считают эстетические чувства частным делом каждого человека, и вне зависимости от теории причин, природы и проявлений, которой мы придерживаемся, они верят в то, что ощущение прекрасного возникает стихийно. Обычно мы даже не задумываемся над вероятностью того, что оно может возникнуть в связи с ритуалом дромены (инсценировки) или легомены (декламации). Наша ситуация, быть может, выглядит несколько странной, ведь в западных религиях ритуал существует на всех уровнях: от церковной церемонии, посещаемой обывателем, до медитации религиозного атлета. Точно так же, как иезуит выполняет духовные упражнения святого Игнатия, тантрист размышляет по поводу отличительных черт богини или суфий по поводу черт пророчества, участник чайной церемонии размышляет и пытается через свое переживание обрести эстетический опыт.

На Западе приятие и неприятие тех или иных вещей социально обусловлено. И ни в одной сфере нашей жизни, за исключением религиозного опыта, мы не имеем такой полноты и предопределенности эмоционального отклика, какой вызывает чайная церемония. Даже в обычной религии, где жест и слово подчиняются правилу, мы ищем определенную искренность, а в делах искусства, прекрасного и восторженного, подчас проявляем даже больше религиозной настойчивости с точки зрения искренности, чем в религии. Возможно, так получается потому, что мы пережили эмоциональную революцию начала XIX столетия, когда индивидуальное ощущение и откровенность эмоции ценятся выше традиции и пристойности.

Изображение в туристических брошюрах симпатичной гейши, наливающей чай разношерстой компании, далеко от настоящей церемонии, особенно той, что существовала во времена Окакуры. Настоящий чай представляет собой мутную густую серую жидкость, взвесь порошка в воде. И перед тем, как его пить, необходимо убрать с поверхности пенку и отстой. А всю красоту надо искать собственно в церемонии. Сами японцы часто считают чайную посуду неприглядной, а цены, на которые соглашаются энтузиасты, покупающие уродливые старинные емкости, завышенными. Чайные сосуды, венчики и мешалки оцениваются совсем не по тем

стандартам, как остальные японские произведения искусства. Их ценность определяется по специфическим параметрам. Привлекательность происходит не от красоты, как это бывает в случае практически со всеми остальными предметами материальной японской культуры, и не от иконологической ценности, как можно ожидать с учетом культового поклонения. Напротив, их ценность в первую очередь выводится из третьего критерия – древности и личного отношения. Практически все дело в поклонении святости реликтов.

Как только на продажу выставляется чайник великого мастера чайной церемонии, ему тут же присваивается громадная денежная ценность.

И все-таки странно, что человек масштаба Окакуры, посвятивший большую часть жизни поискам красоты и сохранению ее хрупкого проявления, нашел главный символ Японии в чайной церемонии. Возможно, свою роль сыграло его сопротивление агрессивной экспансии Запада. В некотором роде чайная церемония расшатывает две великие теории искусства, господствующие в Западном и Восточном полушарии. Ее знатоки отрицают индивидуальную оценку искусства ради искусства, существовавшую на Западе на протяжении нескольких столетий. Но они отрицают еще и иконологию, то есть сами идеи, ради которых создаются изображения, исповедуемую в Индии и на Дальнем Востоке. При выполнении чайной церемонии появляется третья категория – подражание ради сохранения старины, подражание тому, что делали предки. А сомневаться в предках не полагается.

Исходные предпосылки «Чайной церемонии в Японии» тесно связаны с главным вопросом о том, что думать об Окакуре и деле его жизни. Возможный ответ заключается в том, что добро и зло на их весах находятся в равновесии. Он создал и сохранил красоту, но при этом использовал красоту в качестве расчетного инструмента для неподобающей цели. Его великий труд «Чайная церемония в Японии» вызвал у американцев симпатию к японскому способу мышления, а те же самые идеи на Востоке (где других людей можно считать важнее Окакуры в исторической перспективе) служили поводом для враждебности представителей другой культуры.

Быть может, пытаясь судить Окакуру, нам стоит помнить об истине, основополагающей практически для всей азиатской религии: находясь у власти, как боги или полубоги, твори добро и зло в равной мере, а также не поддавайся сиюминутным желаниям. Человеку следует смириться с тем, что он есть.

Э. Ф. Блейлер

Чашка напитка рода человеческого

Сначала чай употребляли в качестве лекарства, и постепенно он превратился в популярный напиток. Как утонченную забаву поэты впервые воспели чай в Китае VIII века. В XV веке японцы возвели его в культ для эстетов, получивший английское название тиизм (от слова «ти» – чай). Тиизм представляет собой культ, в основе которого поклонение всему прекрасному, что обнаруживается среди презренных проявлений повседневной жизни. Его поборниками насаждается чистота и гармония, загадка обоюдного милосердия, романтика общественного порядка. По своей сути, это – поклонение «несовершенству», и оно выглядит робкой попыткой совершить нечто возможное в условиях невыносимого существования под названием жизнь.

Философия чайной церемонии видится отнюдь не примитивным эстетством в обычном значении этого слова. Ею предполагается соединение эстетики и религиозного убеждения при определении взаимодействия человека и природы. Ею предполагается гигиена, потому что от

человека требуется соблюдение чистоты своего тела; рачительность уюта в простоте вместо усложнения жизни роскошью; придается нравственная форма нашему восприятию пропорции относительно величия Вселенной. В ней воплощается истинный дух восточной демократии, так как все ее приверженцы ощущают себя аристократами вкуса. Благоприятным условием для распространения тиизма послужила затянувшаяся самоизоляция Японии от остального мира, располагавшая лучших представителей нации к самоанализу. Японские дома и привычки, одежда и кухня, керамика, глазурь, живопись, даже сама литература – все носит на себе отражение влияния тиизма. Всякий человек, изучающий культуру Японии, не может не заметить его присутствия. Тиизм пропитывает изящество благородных будуаров и проникает в жилище простолюдинов. Наши крестьяне владеют искусством составления цветочных композиций, наш самый заурядный труженик способен в полной мере воспринять всю красоту скал и вод. В своем повседневном общении мы говорим о человеке, что внутри у него «отсутствует чай», если он не чувствует трагикомичный смысл личной драмы. А вот неукротимому эстету, не обращающему внимания на будничную трагедию и дающему волю своим необузданным эмоциям, мы ставим диагноз как человеку, внутри которого «перебор чая».

Случайного наблюдателя может озадачить такое большое внимание вроде бы к пустякам. «Что за буря в стакане воды!» – подивится он. Но если задуматься над тем, насколько все-таки мала чаша простой человеческой радости, как быстро она наполняется слезами, насколько легко осушается до осадка из-за нашего неутомимого стремления к неизведанному, то тут же пропадает желание укорять себя за слишком серьезное отношение к чашке чая. Человечество повинно кое в чем и похуже. Слишком большие жертвы принесены поклонниками Бахуса, умудрились даже воздать незаслуженные почести Марсу. Почему бы не вверить свою судьбу царице цветочного мира камелии (чай также называют камелией китайской. – *Пер.)* и не наслаждаться теплым потоком сочувствия, текущим с ее алтаря? В жидком янтаре, помещенном в керамическом сосуде цвета слоновой кости, посвященный ценитель способен обрести пикантность Лао-цзы[1] с нежной сдержанностью Конфуция и эфирный аромат самого Будды Шакья-Муни[2].

Неспособный ощутить в себе ничтожность великих качеств человек, скорее всего, не распознает величия мелочей в других людях. Средний европеец с его врожденным самодовольством увидит в чайной церемонии очередное проявление тысячи и одной диковинки, символизирующих для него затейливость и инфантилизм Востока. Он привык считать Японию варварской страной, потому что ее народ исповедовал искусство кроткого мира; а теперь он

---

[1] Вероятно, Окакура так и не удосужился прочитать свою «Чайную церемонию в Японии» ни в виде корректурного оттиска, ни в сброшюрованном томе, ведь его первое издание содержит просто неприличное множество опечаток и ошибок. Часть этих ошибок можно оправдать невнимательностью наборщика, а остальные отнести к провалам в памяти или спешке в написании рукописи автором. Все эти ошибки сохранились в последующих выпусках, хотя редакторы не раз предпринимали попытку исправления написания японских слов и придания им современного вида.Там, где ошибка появилась просто по недосмотру сотрудников типографии (как в написании имени Восимана вместо японского сёгуна Ёсимасы), мы исправили без сопроводительного замечания. Когда дело касалось более существенной проблемы, мы делали примечания, не меняя текста Окакуры, чтобы не нарушить его особый стиль и прелесть.Еще одно затруднение в переводе возникло из-за укоренившейся привычки Окакуры использовать японские варианты китайских слов и имен собственных. Например, он несколько раз использует японское имя Соси, когда повествует о китайском философе, известном китайцам и на Западе под именем Чжуан-цзы. К сожалению, получается так, что большинство читателей, как-то знакомых с восточной философией, должны узнать китайские термины, зато очень немногие, знакомые с их японским прочтением, поймут, что они лучшем случае заужены в своем значении. Поэтому во многом смысл повествования Окакуры для них останется непознанным. По этой причине мы вставили принятые китайские имена в скобках после слов Окакуры (в оригинале в написании по системе Уэйда-Джайлза. – *Пер.).Лао-цзы* – китайский философ, живший в VI веке до Р. Х. и, по традиции, считающийся современником Конфуция возрастом постарше. Ему традиционно приписывается труд под названием «Дао дэ цзин», стоящий на втором месте после Библии по числу переводов на английский язык. Хотя такое отнесение кое-кем из современных ученых подвергается сомнению. Его система представлений считается мистической, индивидуалистической, эмфатической с Вселенной и созерцательной, чем кардинально отличается от общественных представлений последователей Конфуция.

[2] *Шакья-Муни* – в истории известен под именем Будда, при рождении получил имя Сиддхартха Гаутама. Его имя переводится как «святой племени шакьев», так как Гаутама принадлежал к племени шакьев.

называет ее цивилизованной, так как японцы сеют безграничное насилие на просторах несчастной Маньчжурии. Последнее время на Западе появились многочисленные отзывы на кодекс самурая как искусство смерти, приносящее японским воинам радость от самопожертвования. Но мало кто уделил внимание тиизму, в котором воплотилось японское искусство жизни. Если наша претензия на цивилизацию должна опираться на ужасную славу войны, лучше уж мы в глазах европейцев останемся варварами. И лучше мы дождемся времени, когда наше искусство и наши идеалы заслужат должное уважение.

Когда на Западе поймут или попытаются понять Восток? Нас, азиатов, часто ставит в тупик все это забавное переплетение фактов и вымыслов, созданных европейцами вокруг нас. О нас пишут, будто нам для поддержания жизни достаточно благоухания лотоса, а то и поесть мышей с тараканами. В этом проявляется либо беспомощное изуверство, либо низкое сластолюбие европейцев. Духовность Индии они высмеяли как невежество, благоразумие китайцев – как тупость, японский патриотизм – как продукт присущего этому народу фатализма. Говорят, что мы легче переносим боль и раны по причине грубости организации нашей нервной системы!

Почему бы не устроить потеху над нами?! В Азии отвечают тем же самым. Поводов для веселья появилось бы еще больше, узнай вы все, что мы придумали и написали о вас. Там можно найти все очарование предстоящим, все неосознанное благоговение перед чудом, все невысказанное возмущение несправедливостью всего того, навязанного нового и не получившего еще определения. Вам присваивали чрезмерные добродетели, чтобы считать их предметами зависти, обвиняли в таких образных преступлениях, что даже осуждению их подвергнуть нельзя. Наши древние писатели – знающие свое дело мудрецы – сообщили нам, что где-то под складками вашей одежды прячутся пушистые хвосты, а питаетесь вы фрикасе из младенцев! Мало того, у нас к вам имелись претензии и пострашнее: мы привыкли считать вас самым никчемным народом на планете, так как вы исповедуете истины, которым никогда не следуете.

Былые заблуждения нас быстро покидают. С торговлей во многие восточные порты без особого приглашения пришли европейские языки. Азиатская молодежь хлынула в западные колледжи за необходимым современным образованием. Наши ограниченные способности не позволяют глубоко вникать в вашу культуру, зато, по крайней мере, мы стремимся узнать как можно больше нового. Кое-кто из моих соотечественников переусердствовал и слишком рьяно перенял многие ваши обычаи и ваш этикет, наивно полагая, будто все достижения нашей цивилизации заключаются в крахмальных воротничках и шелковых цилиндрах. Самое печальное и грустное во всех этих притворных проявлениях – наша готовность ползти к Западу на коленях. К несчастью, представители Запада никогда не пытались достичь достойного понимания Востока.

Христианский миссионер приходил делиться своим учением и совсем не готов был к восприятию традиции паствы. Вы пользуетесь сведениями о нас, почерпнутыми из редких переводов нашей богатейшей литературы, если вообще не из анекдотов заезжих путешественников. И редко случается так, что благородное перо кого-то масштаба личности Лафкадио Хирна или же автора «Сплетения индийской жизни» (The *Web of Indian Life)*[3] озаряет азиатский мрак факелом наших собственных настроений.

Быть может, многословием по поводу культа чая я выдаю свое незнание предмета. Самый дух учтивости требует, чтобы человек говорил только то, что от него ждут слушатели, и не больше. Но я не собираюсь выступать в роли учтивого тииста. Уже столько много зла причинено взаимным непониманием нового и старого миров, что нет нужды извиняться за свою

[3] Сестра Ниведита – Маргарита Нобль (1867–1911). Англичанка, обращенная в индуизм через орден Рамакришна и получившая имя сестры Ниведиты. Она заведовала школой для индийских девочек разных возрастов, а в основу «Сплетения индийской жизни», в которой представляются во всех цветах и красках духовные ценности индуизма, положен опыт ее многогранной деятельности.

лепту в достижение взаимопонимания. Начало XX столетия было бы избавлено от зрелища кровавой бойни, если бы в России снизошли до того, чтобы лучше узнать Японию. Какие ужасные последствия для человечества лежат в презрительном пренебрежении к восточным проблемам! Вожди европейского империализма, считающие вполне допустимым нелепый крик о «желтой угрозе», не отдают себе отчета о том, что народы Азии тоже могут пробудиться на наступление «белой катастрофы». Вы можете смеяться над нами, что, мол, внутри нас «слишком много чая», но разве нам не дано заподозрить, что у вас, людей Запада, «какой-либо чай» в строении тела отсутствует изначально?

Давайте прекратим перебрасываться эпиграммами с континента на континент и посмотрим если не строго, то мудро на достижения в своем полушарии планеты. Наше развитие шло разными путями, но ничто нам не мешает дополнять друг друга. Вы захватывали сферы влияния в силу своей неугомонности, а мы достигли гармонии, пусть даже не способной устоять натиску извне. Хотите – верьте, хотите – нет, но в некоторых отношениях Восток гораздо состоятельнее Запада.

Как-то странно, что по-настоящему представители рода человеческого познакомились за чашкой чая. Это – единственная азиатская традиция, получившая всеобщее признание. Белый человек глумился над нашей религией и нашими нравственными нормами, однако наш коричневый напиток он принял безоговорочно. Теперь послеполуденное чаепитие в западноевропейском обществе считается неотъемлемым ритуалом. Доказательством становления культа для нас служит то легкое постукивание подносов и блюдец, ласкающий слух шелест одежды гостеприимных дам и знакомый всем порядок добавления в напиток сливок и сахара. Философская покорность гостя судьбе, ожидающей его в загадочном убранстве ритуала, показывает в этом конкретном случае абсолютное торжество восточного духовного начала.

Древнейшее упоминание о чае в европейской летописи обнаружено в сообщении арабского путешественника о том, что после 879 года основными источниками поступлений в Кантоне (Гуанчжоу) служили сборы с поставок соли и чая. Марко Поло сообщает о смещении в 1285 году китайского министра финансов за самоуправное повышение ставки сбора на чай. Как раз в период великих открытий европейские народы начали все больше узнавать о присущей Востоку крайней противоположности Западу. В конце XVI века голландцы привезли сообщения о существовании приятного напитка, настаиваемого на Востоке на листьях некоего куста. Такие путешественники, как Джованни Батиста Рамузио (1559), Л. Альмейда (1576), Маффеи (1588), Ташейра (1610), тоже упоминали напиток под названием чай. Первые партии чая в Европу прибыли на судах Голландской Ост-Индской компании в 1610 году. Во Франции его узнали в 1636 году, а в Россию чай пришел в 1638-м. Англичане попробовали его в 1650 году и заговорили о нем как о «безупречном и одобренном всеми врачами китайском напитке, называемом китайцами «ча», а другими народами «тай», то есть «ти» (чай)»[4].

[4] В данном абзаце можно обратить внимание на несколько ошибок. Арабского путешественника звали Абусаид ибн Хасан, и его упоминает Евсевий Рено до в «Отчетах о посещении Индии и Китая двумя магометанскими путешественниками, которые отправились в эти страны в IX веке» (Лондон, 1933). Не понимаю, зачем Окакура привел этот европейский документ.Сообщение о Марко Поло приводится некорректно. В рождественском издании Марко Поло отсутствует упоминание о чае, хотя сомнительную фразу по поводу одежд из высокогорного Ассама можно притянуть в качестве доказательства существования этого напитка и растения.Джованни Рамузио (1485–1557) числится не путешественником, а организатором вояжей; первое упоминание чая появляется в его справочнике Navigatione et Viaggi (1559), том II. Льюис Альмейда служил миссионером, и он сообщил о чае в письме в 1565 году; это письмо было опубликовано в коллекции материалов, изданной Джованни Маффеи (в исходном тексте Окакуры названном «Маффено») в 1588 году. Ташейра (названный «Тарейрой» в исходном тексте Окакуры) числится португальцем, побывавшим в Малакке до 1600 года.Точная цитата «Прекрасный и одобренный всеми врачами *китайский* напиток под названием *китайский тea,* другими народами называемый *тай* или *ти,* продается в магазинах «Голова султанши», «Кофейный дом» на Свитин-рентс, на Королевской бирже в Лондоне». Эта первая реклама чая появилась в номере Mercurius Politicus от 30 сентября 1658 года. Она приводится в виде факсимиле в труде Уильяма Г. Юкерса «Все о чае» *(All About Tea) (Trade Journal Company*; Нью-Йорк, 1935 г.), том 1, стр. 42. (Ссылки в прочих изданиях на Mercurius

Пропаганда чая, как и всех полезных нововведений в мире, шла с большими потугами. Вечные противники всего и вся вроде Генри Савиля (1678) осудили чаепитие как порочную привычку. Джонас Ганвей (автор «Эссе о чае», 1756)[5] утверждал, будто из-за употребления чая мужчины теряют свою стать и миловидность, а женщины – свою красоту. В самом начале чай стоил весьма дорого (около 15 или 16 стерлингов за фунт) и не мог пользоваться широкой популярностью. Поэтому чай считался «венцом утонченных угощений и развлечений, преподношением, достойным принцев и вельмож»[6]. При всех такого рода препятствиях привычка к чаю стремительно получала широкое распространение. В первой половине XVIII столетия кофейни Лондона фактически становились чайными домами, где находили себе приют такие выдающиеся деятели, как Аддисон и Стиль, коротавшие время за «порцией чая». Этот напиток вскоре стал жизненной потребностью, то есть налогооблагаемым товаром. Нам напоминают в этой связи, какую важную роль он играет в современной истории. Жители колониальной Америки терпели притеснения до последнего человеческого предела, пока на чай не ввели обременительные пошлины. Отсчет американской независимости ведется с момента, когда в воду бостонского порта полетел первый ящик чая.

Politicus от 1656 года до распространения чая в России следует считать ошибкой.)

[5] «Журнал восьмидневного путешествия из Портсмута в Кингстон-на-Темзе с приложением «Эссе о чае», считающемся вредным для здоровья, служащим тормозом развития промышленности и разоряющем государство» (Лондон, 1756). Перепечатка «Эссе о чае» осуществлялась отдельно.

[6] Данная цитата позаимствована из обзора книги Ханвея, составленного Самуэлем Джонсоном. Она приводится с мелкими отличиями в текстах разных авторов. В варианте из собрания трудов Джонсона говорится, что Ханвей не мог рассчитывать на беспристрастность «закоренелого и бессовестного любителя чайного напитка, который на протяжении многих лет разбавлял свою трапезу только лишь настоем этого удивительного растения; чей чайник редко остывает; кто с чаем коротает свой вечер, чаем утешается в полночь и чашкой чая встречает утро». Как известно, Джонсон в день запросто выпивал чашек 30–40 чая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.